

В.В. Шульгин

1920 год

Очерки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В11

В.В. Шульгин
В11 1920 год: Очерки / В.В. Шульгин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 278 с.

ISBN 978-5-458-36276-4

Воспоминания Шульгина мало того, что написаны хорошо, но и объективны. Шульгин, человек далеко не левых убеждений, не оправдывает белых только за то, что они не красные, и честно пишет, что видел, за что в эмиграции был многими нелюбим. А мы его любим за правду и силу письма. От автора: "Безполезно, конечно, напоминать, что мы живем в эпоху, которой будут весьма интересоваться наши потомки. Но может быть следует подумать о том, что о Русской Революции будет написано столько же лжи, сколько о Французской. Из этой лжи вытечет опять какая-нибудь новая беда. Для нас это ясно. Мы, современники Русской Революции (начавшейся в 1917 году), прекрасно знаем, какую роль в этом несчастье сыграло лживое изображение Революции Французской. Поэтому в высшей степени важно для нашего будущего правдивое изображение того, что сейчас происходит перед нашими глазами. Разумеется, время для изображения нашей трагедии во всем ее объеме, так сказать с журавлиной высоты, еще не наступило. Невозможно, с другой стороны, пока и интимное изображение нашей жизни, т.е. как мы любили, ненавидели, страдали и радовались — ключ, без которого, конечно, будущие историки ничего не поймут. Или поймут вкривь и вкось, как это они всегда и делают. Но можно и должно записывать то, что каждый из нас видел воочию. Настоящий очерк и представляет опыт записать "кусочки жизни", пробежавшие перед моими глазами. Я выбрал 1920 год, как ближайший."

ISBN 978-5-458-36276-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

могу прослыть центромъ какихъ нибудь интригъ... Чего я вовсе не желаю. „Главначальствующій областью“ безъ „области“ — фигура неудобная... Ну, а скажите, очень ругаютъ?

— Васъ? Ругаютъ, конечно... При этихъ обстоятельствахъ это неизбежно. Одни бранятъ Васъ за то, что „допустили“ погромы, а другіе за то, что Вы не позволяли „бить жидовъ“... Конечно, Вы взяли миллионы за послѣднее...

— Неужели и это говорятъ?

— Говорятъ... Васъ это удивляетъ? А я привыкъ... Меня столько разъ „покупали“ — жида, нѣмцы, масоны, англичане, — что это меня не волнуетъ... Но больше всего, конечно, зла гвардія...

— За что? За мой приказъ? Вамъ онъ извѣстенъ?

— Да... Вы, покидая „область“ и сдавая командование, благодарите войска и затѣмъ кончаете приблизительно такъ: „не объявляю благодарности“... Первое — Волчанцамъ за всякія безобразія, а на второмъ мѣстѣ стоитъ въ приказѣ гвардія, которая „покрыла позоромъ свои славныя знамена грабежами и насиліями надъ мирнымъ населеніемъ“... — Что то въ этомъ родѣ...

А. М. Драгомировъ человекъ очень добрый. Но у него бывають припадки гнѣва. Такъ было и сейчасъ.

— Я объ этомъ не могу спокойно говорить... Я съ очень близкими людьми перессорился изъ за этого. Я пробовалъ собрать командировъ полковъ, уговаривалъ, взывалъ къ ихъ совѣсти. Но я чувствую, что не понимаютъ... А я не могу съ этимъ помириться. Я къ этой гражданской войнѣ никакъ не могу приладиться...

— Да, я помню. Вы, можетъ быть, забыли, но я помню... Вы мнѣ говорили больше года тому назадъ еще въ Екатеринодарѣ... Что Вы тяготитесь „гражданской“ вашей дѣятельностью, что Вы хотѣли бы дѣлать свое прямое дѣло, т. е. воевать... Но что условія войны таковы... Словомъ, Вы сказали тогда, въ октябрѣ 1918 года: „мнѣ иногда кажется, что нужно разстрѣлять половину арміи, чтобы спасти остальную“...

— Половину не половину... Но я и сейчасъ такъ думаю. Но какъ за это взяться... Я отдавалъ самые строгіе приказы... Но ничего не помогаетъ... Потому что покрываютъ

другъ друга... Какіе нибудь особые суды завести? И это пробоваль, но все это не то...

— Мое мнѣніе такое. Вслѣдъ за войсками должны двигаться отряды, скажемъ, „особаго назначенія“... Тысяча человекъ на уѣздъ... Отборныхъ людей или по крайней мѣрѣ въ „отборныхъ рукахъ“. Они должны занимать уѣздъ; начальникъ отряда становится начальникомъ уѣзда... При немъ военно-полевой судъ... Но трагедія въ томъ, откуда набрать этихъ „отборныхъ“...

— Въ томъ то и дѣло... Нѣтъ, я часто думаю, что безъ какого то внутренняго большого процесса все равно ничего не будетъ. Хоть бы орденъ какой нибудь народился... Какое нибудь рыцарское сообщество, которое бы возродило понятія о чести, долгъ — ну, словомъ основныя вещи, ну, что хоть грабить — стыдно. Или религіозное это должно быть движеніе... Словомъ, это должно быть массовое, большое, психологическое...

— И будетъ... „Покаянія отверзи ми двери“... Этимъ мы отличаемся отъ Польши... Я убѣжденъ, что если на этой равнинѣ, что называется Восточной Европой... если устояли мы, а не поляки, то только благодаря нашей способности „каяться“... Поляки — нераскаянные... Они не могутъ каяться... Вѣдь въ сущности говоря у поляковъ было больше шансовъ на гегемонію... Они раньше вышли къ культурѣ, потому что ближе къ Западу... Но они нераскаянные... Мы говорили „земля наша... но порядка въ ней нѣтъ, — приходите володѣть и княжить надъ нами“... а они говорили: „Polska stoi nierządem...“.

— Это что значить?

— Это старинная польская поговорка, которая употреблялась еще въ XVI вѣкѣ и значить: „Польша стоитъ безпорядкомъ“... То есть они не только не хотѣли каяться во всѣхъ своихъ безобразіяхъ, въ вѣчной своей легкомысленной „мазуркѣ“, но такъ сказать „канонизировали“ свою анархію... Были отдѣльные голоса, которые кричали: „братья! что вы дѣлаете! губите себя“... На одно мгновеніе „карнавалъ“ останавливался... Но потомъ кто нибудь вспоминалъ: вѣдь Polska stoi nierządem!“... И традара... та... традара...

та... tempo di mazurka... И все продолжалось по старому, пока не „промазурили“ свою „королевскую республику“... А мы каялись... Набезобразимъ во всю „ширину русской природы“ и потомъ каемся... „Придите володѣть и княжить“... и приходятъ и княжатъ... И тогда оправляемся, укрѣпляемся, возвеличиваемся—пока опять не расхулиганимся... Волна... То „Сарынь на кичку“, то „волимъ подъ Царя Восточнаго Православнаго“... Такъ и живемъ... И будемъ жить.

Принесли бутылку красного вина.

И мы, „главноначальствующій Областью — безъ Области“ и „редакторъ Кіевлянина“ безъ Кіева, чокнулись... .

Въ данную минуту мы равно были „бывшіе люди“... И съ одинаковымъ основаніемъ могли пожелать другъ другу „Новаго Счастья“, ибо „старое“ измѣнило... .

* * *

Какъ то такъ случилось, что въ эту Новогоднюю Ночь я былъ совершенно одинъ... . Отъ А. М. я пришелъ рано, — до „Новаго Года“ было еще далеко... Я пришелъ къ себѣ и никуда не пошелъ.

„Встрѣчать Новый Годъ...“ При этихъ обстоятельствахъ это было бы слишкомъ печально... И я предпочелъ „встрѣчѣ“ — „проводы“. Я усѣлся у изголовья умирающаго Стараго Года и читалъ ему отходную... .

Гдѣ то на какомъ то горномъ перевалѣ стоитъ заинде-вѣвшій придорожный столбъ... Къ этому столбу всегда пробивается умирать Старый Годъ... На столбѣ сидитъ „крукъ“, —одинокая птица... . Воетъ вьюга, и крукъ каркаетъ умирающему его дѣла, — Добрыя и Злыя... .

Я чувствовалъ себя въ этомъ родѣ: на роли крука... .

* * *

Личное перемѣшивалось съ общимъ въ эту новогоднюю одинокую ночь.

Отчего не удалось дѣло Деникина? Отчего мы здѣсь, въ Одессѣ. Вѣдь въ сентябрѣ мы были въ Орлѣ... . Отчего

этотъ страшный тысячеверстный отходъ, великое отступленіе „орловъ“ отъ Орла. . .

Орловъ ли? . . .

„Взвейтесь соколы орлами“. . . (солдатская пѣсня).

Я вспомнилъ свою статью въ „Кіевлянинъ“ въ двухлѣтнюю годовщину основанія Добровольческой Арміи. . . два мѣсяца тому назадъ. . .

„Орлы, бойтесь стать коршунами. Орлы побѣдятъ, но коршуны погибнуть“.

Увы, орлы не удержались на „орлиной“ высотѣ. И коршунами летятъ они на югъ, вслѣдъ за неизмѣримыми обозами съ добромъ, взятымъ. . . у „благодарнаго населенія“.

„Взвейтесь соколы. . . ворами“. („Единая, недѣлимая“ въ кривомъ зеркалѣ дѣйствительности).

* * *

Красные — грабители, убійцы, насильники. Они безчеловѣчны, они жестоки. Для нихъ нѣтъ ничего священнаго. . . Они отвергли мораль, традиціи, Заповѣди Господни. Они презираютъ Русскій народъ. Они озвѣрѣлые горожане, которые хотятъ бездѣльничать, грабить и убивать, но чтобы деревня кормила ихъ. Они, чтобы жить, должны пить кровь и ненавидѣть. И они истребляютъ „буржуевъ“ сотнями тысячъ. Вѣдь развѣ это люди? Это „буржуи“. . . Они убиваютъ, они пытаются. . .

Развѣ это люди? — это звѣри. . .

* * *

Значитъ Бѣлые, которые ведутъ войну съ Красными, именно за то, что они Красные, — совсѣмъ иные. . . Совсѣмъ „обратные“. . .

Бѣлые — честны до Донъ-Кихотства. Грабежъ у нихъ несмываемый позоръ. Офицеръ, который видѣлъ, что солдатъ грабить, и не остановилъ его — конченный человѣкъ. Онъ лишился чести. Онъ больше не „бѣлый“, — онъ „грязный“. . . Бѣлые не могутъ грабить.

Бѣлые убиваютъ только въ бою. Кто приколоть раненаго, кто разстрѣлялъ плѣннаго, — тотъ лишенъ чести. Онъ не бѣлый, онъ — палачь. Бѣлые не убійцы: они воины.

Бѣлые рыцарски вѣжливы съ мирнымъ населеніемъ. Кто совершилъ насиліе надъ безоружнымъ человѣкомъ, — все равно, что обидѣлъ женщину или ребенка. Онъ лишился чести, онъ больше не бѣлый — онъ запачканъ. . . Бѣлые не апаши — они джентельмены.

Бѣлые тверды, какъ алмазь, но такъ же чисты. Они строги, но не жестоки. Карающій мечъ въ бѣлыхъ рукахъ неумолимъ, какъ Судьба, но ни единый волосъ не спадетъ съ головы человѣка безвинно. Ни единая капля крови не прольется — лишняя. . . Кто хочетъ мстить, тотъ больше не бѣлый. . . Онъ заболѣлъ „красной падучей“ — его надо лѣчить, если можно, и „извергнуть“ изъ своей среды, если болѣзнь неизбывна. . .

Бѣлые имѣютъ Бога въ сердцѣ. Они обнажаютъ голову передъ Святыней. . . И не только въ своихъ собственныхъ златоглавыхъ храмахъ. Нѣтъ, вездѣ, гдѣ есть Богъ, Бѣлый преклонитъ — душу, и если въ сердцѣ врага увидитъ вдругъ Бога, увидитъ Святое, онъ поклонится Святынѣ. Бѣлые не могутъ кощунствовать, они носятъ Бога въ сердцѣ.

Бѣлые твердо блюдутъ правила порядочности и чести. Если кто поскользнулся, товарищи и друзья поддержать его. Если онъ упалъ, поднимутъ. Но если онъ желаетъ валяться въ грязи, его больше не пускаютъ въ Бѣлый Домъ: бѣлые не бѣлоручки, но они опрятны.

Бѣлые дружественно вѣжливы между собой. Старшіе строги и ласковы, младшіе почтительны и преданы, но сгибаютъ только голову, при поклонѣ. . . (спина у бѣлыхъ не гнется).

Бѣлыхъ тошнитъ отъ рыгательнаго пьянства, отъ плеванья и отъ матерщины. . . Бѣлые умираютъ, стараясь улыбнуться друзьямъ. Они вѣрны себѣ, Родинѣ и товарищамъ до послѣдняго вздоха.

Бѣлые не презираютъ Русскій народъ. . . Вѣдь если его не любить, за что же умирать и такъ горько страдать? Не проще ли раствориться въ остальномъ мѣрѣ? Вѣдь свѣтъ ши-

рокъ. . . Но бѣлые не уходятъ, они льютъ свою кровь за Россію. . . Бѣлые не интернаціоналисты, они — русскіе. . .

Бѣлые не горожане и не селяне — они русскіе, они хотя-тъ добра и тѣмъ, и другимъ. Они хотѣли бы, чтобы мирно работали молотки и перья въ городахъ, плуги и косы въ деревняхъ. Имъ же, Бѣлымъ, ничего не нужно. Они не горожане и не селяне, не купцы и не помѣщики, не чиновники и не учителя, не рабочіе и не хлѣборобы. Они русскіе, которые взяли за винтовку только для того, чтобы власть такая же Бѣлая, какъ они сами, дала возможность всѣмъ мирно трудиться, прекративъ ненависть.

Бѣлые питаютъ отвращеніе къ ненужному пролитію крови и никого не ненавидятъ. Если нужно сразиться съ врагомъ, они не осыпаютъ его ругательствами и пѣной ярости. Они разсматриваютъ наступающаго врага холодными, безстрастными глазами. . . и ищутъ сердце. . . И если нужно, убиваютъ его — сразу. . . Чтобы было легче для нихъ и для него. . .

Бѣлые не мечтаютъ объ истребленіи цѣлыхъ классовъ или народовъ. Они знаютъ, что это невозможно и имъ противна мысль объ этомъ. Вѣдь они Бѣлые Воины, а не Красные Палачи.

Бѣлые хотятъ быть Сильными только для того, чтобы быть Добрыми. . .

Развѣ это люди. . . Это почти, что святые. . .

* * *

„Почти что святые“ и начали это Бѣлое дѣло.
Но что изъ него вышло? Боже мой!

* * *

Я помню, какое сильное впечатлѣніе произвело на меня, когда я въ первый разъ услышалъ знаменитое выраженіе:

„Отъ благодарнаго населенія“. . .

Это былъ хорошенькій мальчикъ, лѣтъ семнадцати — восемнадцати. На немъ былъ новенькій полушубокъ.

Кто то спросилъ его:

— Петрикъ, откуда это у Васъ?

Онъ отвѣтилъ:

— Откуда? „Отъ благодарнаго населенія“ — конечно.
И всѣ засмѣялись.

* * *

Петрикъ изъ очень хорошей семьи. У него изящный, тонкокостный ростъ и красивое, старокультурное, чуть тронутое рукою вырожденія, лицо. Онъ говоритъ на трехъ европейскихъ языкахъ безупречно и потому по русски выговариваетъ немножко какъ метисъ, съ примѣсю всевозможныхъ акцентовъ. Въ немъ была еще недавно гибко-твердая выправка хорошаго аристократическаго воспитанія. . .

„Была“, потому что теперь ея нѣтъ, вѣрнѣе ее какъ будто подмѣнили. Приятная ловкость мальчика, который несмотря на свою молодость, знаетъ, какъ себя держать, перековалась въ какія то . . . вызывающія, наглыя манеры. Чуть намѣчавшіяся черты вырожденія страшно усилились. Въ нихъ сквозить что то хорошо знакомое. . . Что это такое? Ахъ да, — онъ напоминаетъ французскій кабачекъ. . . это „апашъ“ . . . Апашизмомъ тронуты. . . этотъ обострившійся взглядъ, обнагльвавшая улыбка. . . А говоръ. Этотъ метисный акцентъ въ соединеніи съ отборнѣйшими русскими „въ Бога, въ мать, въ вѣру и Христа“, — даютъ диковинный меланжъ „сіятельнѣйшаго хулигана“. . .

Когда онъ сказалъ „отъ благодарнаго населенія“, всѣ разсмѣялись. Кто это „всѣ“?

Такіе же, какъ онъ. Метисно-изящные люди русско-европейскаго издѣлія. „Вольноперы“, какъ Петрикъ, и постарше — гвардейскіе офицеры, молоденькія дамы „смольнаго“ воспитанія. . .

Ахъ, онѣ не понимаютъ, какая горькая иронія въ этихъ словахъ. Онѣ — „смолянки“. Но почему? Потому ли, что кончили „Смольный“ подъ руководствомъ княгини N N, или потому, что Ленинъ-Ульяновъ, захвативъ „Смольный“, незамѣтно для нихъ самихъ привилъ имъ „ново-смольные“ взгляды. . .

— Грабь награбленное. —

Развѣ не это звучитъ въ словахъ этого большевизированнаго рюриковича, когда онъ небрежно-нагло роняетъ:

— Отъ благодарнаго населенія.

Они смѣются. Чему?

Тому ли, что, быть можетъ, послѣдній отпрыскъ тысячелѣтняго русскаго рода прежде, чѣмъ безтрепетно умереть за Русскій Народъ, сталъ воромъ. Тому ли, что вытащивъ изъ мужицкой скрыни подъ рыданія Марусекъ и Гапокъ этотъ полушубокъ, онъ доказалъ насупившемуся Грицьку, что паны только потому не крали, что были богаты, а какъ обѣднѣли, то сразу узнали дорогу къ сундукамъ, какъ настоящіе „злодии“, — этому смѣются? „Смѣшной“ ли модѣ грабить мужиковъ, которые „насъ ограбили“ — смѣются?

Нѣтъ, хуже. . . Они смѣются надъ тѣмъ, что это населеніе, ради котораго семьи, давшія въ свое время Пушкиныхъ, Толстыхъ и Столыпиныхъ, укладываютъ подъ пулеметами всѣхъ своихъ сыновъ и дочерей въ сыпно-тифозныхъ палатахъ, что это населеніе „благодарно имъ“. . .

„Благодарно“ — т. е. ненавидить.

Вотъ надъ чѣмъ смѣются. Смѣются надъ горькимъ крушеніемъ своего „бѣлаго“ дѣла, надъ своимъ собственнымъ паденіемъ, надъ собственной „отвратностью“, смѣются — ужаснымъ апашескимъ смѣхомъ, смѣхомъ „бывшихъ“ принцевъ, „задѣлавшихся“ разбойниками.

* * *

Да, я многое тогда понялъ.

Я понялъ, что не только не стыдно и не зазорно грабить, а наоборотъ модно, шикарно.

У насъ ненавидѣли гвардію и всегда ей тайкомъ подражали. Можетъ быть за это и ненавидѣли...

И потому, когда я увидѣлъ, что и „голубая кровь“ пошла по этой дорожкѣ, я понялъ, что бѣдствіе всеобщее.

„Бѣлое Дѣло“ погибло.

Начатое „почти святыми“, оно попало въ руки „почти бандитовъ“...

* * *

Я не гвардеец... Я такъ же мало аристократъ, какъ и демократъ. Я принадлежу къ тому среднему классу, который „жнеть тамъ, гдѣ не сѣялъ“. Все — наше. Пушкинъ — нашъ, и Шевченко — нашъ. (Слышу гоготъ „украинцевъ“. Успокойтесь, друзья: Шевченко въ роли „украинскаго большевика“ я оставляю вамъ, себѣ я беру — Шевченко бандуриста, „его же и Гоголь приѣмлетъ“).

Все русское-наше. Аристократія и демократія намъ одинаково близка, поскольку она русская, поскольку она талантлива и прекрасна, поскольку она наше Прошлое и Будущее. Аристократія и демократія намъ одинаково далеки, поскольку онѣ узко классовы, поскольку онѣ изящно надменны или грубо фамильярны.

Я скорблю надъ угасающими, „сходящими на нѣтъ“ старинными родами, я радуюсь рожденію новыхъ, „входящихъ“, которые „сами себѣ предки“.

Я жну тамъ, гдѣ не сѣялъ. Все высокое, красивое и сильное русское — мое, и я ношу мое право на нихъ на острии моей любви къ Родинѣ... Я люблю ее всю, съ аристократами и демократами, дворцами и хатами, богатыми и бѣдными, знатными и простыми.

Ибо всѣ нужны. Какъ нужны корни, стволъ, листья... и цвѣты...

* * *

Я не гвардеец... Но если я особенно больно чувствую паденіе аристократіи, то это потому, что все же *poblesse oblige*... Какъ русский, я несравненно болѣе оскорбленъ метаморфозой „Петрика“ въ апаша, чѣмъ „Петьки“ въ хулигана. Вѣдь въ сущности вся бѣлая идея была основана на томъ, что „аристократическая“ честь націи удержится среди кабацкаго моря, удержится именно бѣлой несокрушимой скалой... Удержится и побѣдитъ своей бѣлизной. Подъ аристократической частью націи надо подразумѣвать все лучшее, все дѣйствительно культурное и моральное, порядочное безъ

ковычекъ. Но среди этой аристократіи въ широкомъ смыслѣ слова, аристократіи доблести, мужества и ума — конечно центральное мѣсто, нерушимую цитадель должна была бы занять родовая аристократія, ибо у нея въ крови, въ видѣ наслѣдственнаго инстинкта, должно было бы быть отвращеніе ко всякимъ мерзостямъ...

И вдругъ...

„Отъ благодарнаго населенія“...

„Tout est perdu sauf l'honneur“ — говорили французскіе дворяне.

„L'honneur a été perdu avant tout“ — можемъ сказать мы...

Но Бѣлое Дѣло не можетъ быть выиграно, если потеряна честь и мораль.

Безъ чести, именно отрицаніемъ чести и морали — *временно* побѣждаютъ Красные.

Для Бѣлыхъ же потерять честь — это потерять все.

C'est tout perdre...

* * *

И я видѣлъ...

Я видѣлъ, какъ зло стало всеобщимъ.

Насмѣшливый терминъ „отъ благодарнаго населенія“ все покрылъ, все извинилъ, изъ трагедіи сдѣлалъ кровавый водевилъ въ *m'en fich'* истскомъ стилѣ.

* * *

Я видѣлъ...

Я видѣлъ, какъ почтенный полковой батюшка въ большихъ галошахъ и съ зонтикомъ въ рукахъ, увязая въ грязи, бѣгалъ по деревнѣ за грабящими солдатами:

— Не тронь!... Зачѣмъ!... Не тронь, говорю... Оставь! Грѣхъ, говорю... Брось!

Куры, утки и бѣлые гуси разлетались во всѣ стороны, за ними бѣжали „бѣлые“ солдаты, за солдатами батюшка съ бѣлой бородой.

Но по дорогѣ равнодушно тянулся полкъ, вѣрнѣе пятисотъ-подводный обозъ. Ни одинъ изъ „бѣлыхъ“ офи-